

А.В. Федоров

Романтизм

Обычно романтиком мы называем человека, не умеющего или не желающего подчиниться законам повседневной жизни. Мечтатель и максималист, он доверчив и наивен, из-за чего порой попадает в смешные ситуации. Он думает, что мир полон волшебных тайн, верит в вечную любовь и святую дружбу, не сомневается в своем высоком предназначении. Таков один из наиболее симпатичных пушкинских героев Владимир Ленский, который

...верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его приять оковы....

Чаще всего подобное умонастроение — признак юности, с уходом которой прежние идеалы становятся иллюзиями; мы приучаемся реально смотреть на вещи, то есть не стремиться к невозможному. Это, например, происходит в финале романа Гончарова «Обыкновенная история», где вместо восторженного идеалиста является расчетливый прагматик. И все-таки, даже повзрослев, человек часто испытывает потребность в романтике — в чем-то ярком, необычном, сказочном. И умение найти романтику в повседневной жизни помогает не только примириться с этой жизнью, но и обнаружить в ней высокий духовный смысл.

В литературе слово «романтизм» имеет несколько значений.

Если перевести его буквально, то оно будет общим названием произведений, написанных на романских языках. Эта языковая группа (романо-германская), ведущая свое происхождение от латыни, стала развиваться в Средние века. Именно европейское Средневековье, с его верой в иррациональную сущность мироздания, в непостижимую связь человека с высшими силами, оказало решающее воздействие на тематику и проблематику романов Нового времени. Долгое время слова романический и романтический были синонимами и обозначали нечто исключительное — «то, о чем пишут в книгах». Самое раннее из найденных использование слова «романтический» исследователи связывают с XVII веком, а точнее, с 1650 годом, когда оно было употреблено в значении «фантастический, воображаемый».

В конце XVIII — начале XIX века романтизм понимается по-разному: и как движение литературы к национальной самобытности, предполагающее обращение писателей к народнопоэтическим традициям, и как открытие эстетической ценности идеального, воображаемого мира. Словарь Даля определяет романтизм как «вольное, свободное, не стесненное правилами» искусство, противопоставляя его классицизму как искусству нормативному.

Такой исторической подвижностью и противоречивостью понимания романтизма можно объяснить терминологические проблемы, актуальные для современного литературоведения. Кажется вполне злободневным утверждение современника Пушкина поэта и критика Вяземского:

«Романтизм как домовый — многие верят ему, убеждение есть в том, что он существует, но где его приметыв, как обозначить его, как наткнуть на него палец?»

В современной науке о литературе романтизм рассматривается в основном с двух точек зрения: как определенный художественный метод, основанный на творческом преобразении действительности в искусстве, и как литературное направление, исторически

закономерное и ограниченное во времени. Более общим является понятие романтического метода; на нем и остановимся подробнее.

Художественный метод предполагает определенный способ постижения мира в искусстве, то есть основные принципы отбора, изображения и оценки явлений действительности. Своеобразие романтического метода в целом можно определить как художественный максимализм, который, являясь основой романтического миропонимания, обнаруживается на всех уровнях произведения — от проблематики и системы образов до стиля.

Романтическая картина мира отличается иерархичностью; материальное в ней подчинено духовному. Борьба (и трагическое единство) этих противоположностей может принимать разные облики: божественное — дьявольское, возвышенное — низменное, небесное — земное, истинное — ложное, свободное — зависимое, внутреннее — внешнее, вечное — преходящее, закономерное — случайное, желаемое — действительное, исключительное — обыденное. Романтический идеал, в отличие от идеала классицистов, конкретного и доступного для воплощения, абсолютен и уже поэтому находится в вечном противоречии с преходящей действительностью. Художественное мировосприятие романтика, таким образом, строится на контрасте, столкновении и слиянии взаимоисключающих понятий — оно, по словам исследователя А. Михайлова, «носителем кризисов, нечто переходное, внутренне во многих отношениях страшно неустойчивое, неуравновешенное». Мир совершенен как замысел — мир несовершенен как воплощение. Можно ли примирить непримиримое?

Так возникает *двоемирие*, условная модель романтической вселенной, в которой реальность далека от идеала, а мечта кажется неосуществимой. Часто связующим звеном между этими мирами становится внутренний мир романтика, в котором живет стремление от унылого «ЗДЕСЬ» к прекрасному «ТАМ». Когда их конфликт неразрешим, звучит мотив бегства: уход от несовершенной действительности в инобытие мыслится как спасение. Именно это происходит, например, в финале повести К. Аксакова «Вальтер Эйзенберг»: герой чудесной силой своего искусства оказывается в мире мечты, созданном его кистью; таким образом, смерть художника воспринимается не как уход, а как переход в иную реальность. Когда возможно соединение реальности с идеалом, появляется идея преображения: одухотворение материального мира при помощи воображения, творчества или борьбы. Немецкий писатель XIX века Новалис предлагает называть это романтизацией:

«Обыденному я придаю высокий смысл, повседневное и прозаическое облакаю в таинственную оболочку, известному и понятному придаю заманчивость неясности, конечному — смысл бесконечного. Это и есть романтизация».

Вера в возможность осуществления чуда живет и в XX веке: в повести Грина «Алые паруса», в философской сказке Сент-Экзюпери «Маленький принц» и во многих других произведениях.

Характерно, что обе важнейшие романтические идеи вполне отчетливо соотносятся с религиозной системой ценностей, основанной на вере. Именно вера определяет своеобразие романтической картины мира — неудивительно, что романтизм часто стремился нарушить границы собственно художественного явления, становясь определенной формой мировосприятия и миропонимания, а иногда и «новой религией». По словам известного литературоведа, специалиста по немецкому романтизму, В. Жирмунского, конечной целью романтического движения является «просветление в Боге всей жизни, и всякой плоти, и каждой индивидуальности».

Романтическое двоемирие как принцип действует не только на уровне макрокосма, но и на уровне микрокосма — человеческой личности как неотъемлемой части Вселенной и как точки пересечения идеального и бытового. Мотивы раздвоенности, трагической

разорванности сознания, образы двойников, объективирующих различные сущности героя, весьма распространены в романтической литературе.